

На Тонком Западном озере Е Сяои арендовал роскошную расписную ладью, чтобы принять дорогих гостей.

Внутри плавучего терема колыхались легкие шелковые занавеси, веял прохладный ветерок. Снаружи до самого горизонта простиралась изумрудная водная гладь, искрясь в лучах полуденного солнца. Лежать здесь, растянувшись на мягких подушках, было сплошным удовольствием. Доносившиеся издалика заунывные звуки флейты-сяо лишь подчеркивали утонченное изящество этого мгновения. Окружающий пейзаж дышал чистой, незамутненной поэзией.

Но самого Е Сяои эта идиллия радовала мало — у него откровенно ныло сердце от жалости к собственному кошельку. Аренда такой ладьи на один-единственный день обходилась в несколько десятков серебряных лянов! За эти деньги он мог бы купить приличный домик в квартале для бедняков.

Что поделать: янчжоуские книжники, поэты, да и просто богатые купцы души не чаяли в подобной праздности. Е Сяои, скрепя сердце, пришлось подчиниться местным нравам.

Местные служители муз вообще казались на редкость праздными людьми. В отличие от бедного Е Сяои, им, похоже, совершенно не требовалось просиживать штаны за зубрежкой трактатов. Ежедневно толпы поэтов и каллиграфов неспешно прогуливались вдоль длинной, поросшей плакучими ивами дамбы Тонкого Западного озера или вели неспешные беседы у Моста двадцати четырех.

Янчжоу по праву гордился величайшим числом признанных мудрецов во всей империи. Даже Е Фантянь и Сяо Цянь, промышлявшие казенной торговлей, слыли людьми глубочайших знаний, чей разум вмещал целые библиотеки. Е Фантянь владел на редкость изящным слогом, а Сяо Цянь и вовсе преуспел не только в поэзии и каллиграфии, но и непревзойденно играл на цине.

Да что там говорить, если даже слуга Е Сяои, молчаливый Мо Юэ, таил в себе бездну премудрости! На этом блестящем фоне один лишь Е Сяои выглядел неотесанным невеждой с явно дефицитным багажом знаний.

Однако больше всего в компании этих «золотых мальчиков» Е Сяои удручало не то, что он безнадежно отставал в изящной словесности. Настоящим проклятием была их привычка опаздывать.

Сяо Цянь еще хоть как-то пытался соблюдать приличия, задерживаясь всего на четверть часа. А вот Е Фантянь вообще не утруждал себя условностями времени — частенько он заявлялся на встречу тогда, когда гости уже всю расходились по домам.

Е Сяои всерьез подозревал, что Е Фантянь так рьяно избегает государственной службы исключительно ради того, чтобы не являться каждое утро к заутрене в министерство.

В конце концов юноша просто смирился и перестал злиться. Требовать от утонченных романтиков прошлого пунктуальности было делом заведомо гиблым. Пришлось приноровиться к их туманным обещаниям встретиться «после того, как сумерки опустятся на землю».

Местные эстеты искренне верили, что томление в ожидании — это невероятно поэтично. В томительные минуты они умудрялись писать стихи, развлекая самих себя. Е Сяои же, лишенный столь возвышенного дара, поступал практичнее: отправляясь на встречу, всегда прихватывал с собой кулек жареных семечек, книгу и заваривал крепкий чай. Так он и коротал время — читал да грыз семечки.

Стук деревянных сандалий-гэта возвестил о прибытии Е Фантяня. Важно покачивая веером, он поднялся на борт ладьи и с порога расплылся в язвительной улыбке:

— О, неужто наш юный друг взялся за ум? Дело хорошее, давно пора. Глядишь, и научишься изъясняться как приличный человек, рифмуя каждое слово.

Е Сяои, не отрываясь от книги, пренебрежительно фыркнул:

— Если я начну сыпать заумными словечками да воспевать луну и ветер, ты же первый обзовешь меня унылым занудой и нищим писакой.

Е Фантянь удивленно прищелкнул языком. Надо же, как ловко этот мальчишка его раскусил! Впрочем, именно этот дерзкий нрав Е Сяои и делал его столь приятным собеседником.

Опустившись на циновку, Е Фантянь бесцеремонно ущипнул юношу за щеку и протянул:

— И все же до чего ты приземленный! Другие на ладьях любуются пейзажами да играют на лютнях, а ты уткнулся в свиток и щелкаешь семечки, точно лавочник на базаре. Неужто тебе совсем не стыдно осквернять утонченную атмосферу?

Е Сяои даже бровью не повел на эту колкость:

— Ну что поделать. Стоит мне открыть трактат, как сразу клонит в сон. Приходится постоянно что-то жевать, чтобы окончательно не уснуть.

Е Фантянь сокрушенно покачал головой:

— Невежда! В книгах сокрыты чертоги из чистого золота, в них таятся прекрасные девы, в них — вся мудрость мира! И у тебя хватает наглости признаваться, что учение нагоняет на тебя тоску?

Е Сяои одарил собеседника красноречивым взглядом:

— А сам-то? Неужто при чтении «Книги преданий» у тебя глаза не слипаются?

При упоминании этого заумного древнего труда Е Фантянь поморщился.

— И зачем тебе сдалась эта нудная писанина? Править Поднебесной ты все равно не собираешься, да и рассуждения о путях древних владык нынче могут счесть вольнодумством. Лучше бы поучился искусству изящной лести. Сочинишь парочку хвалебных од в честь государя — и звание чжуанюаня у тебя в кармане.

Раскусив очередную семечку, Е Сяои деловито кивнул:

— Действительно, дельный совет. Обязательно намотаю на ус.

Е Фантянь, чрезвычайно довольный тем, что его глубокие познания в придворных интригах оценили по достоинству, придвинулся ближе и тоже запустил руку в чашу с семечками.

К тому моменту, как на борту ладьи наконец появился Сяо Цянь, Е Сяои выставил на стол два заветных глиняных кувшина.

— А вот и наш дорогой гость! — оживился хозяин ладьи, разливая напиток. — Прошу, отведайте моего домашнего вина. Рецепт, между прочим, семейный секрет.

Однако Е Фантянь без малейших угрызений совести перехватил чашу, предназначенную для Сяо Цяня. Сделав глубокий глоток и заев его горстью семечек, он шутливо возмутился:

— Ах ты хитрый лис, Е Сяои! Мы же с тобой, почитай, из одного гнезда, пятьсот лет назад у наших предков наверняка была одна фамилия! А ты прятал от меня такое сокровище. Нехорошо, ой как плохо!

Сяо Цянь тем временем с любопытством разглядывал содержимое чаш. Напиток в одной сиял изумрудной зеленью молодой листы, а во второй переливался густым рубиновым цветом. Ничего подобного он в жизни своей не видывал.

В его собственных трактирах и винных лавках испокон веков подавали лишь мутную желтую брагу, по вкусу и цвету мало чем отличавшуюся от конской мочи. Стоило разбавить этот унылый ассортимент столь яркими красками, как дела его торгового дома мгновенно пошли бы в гору. Опытный купец сразу почуял запах золотых монет.

Сделав вид, будто просто поддерживает светскую беседу, Сяо Цянь мягко поинтересовался:

— Братец Е, поделись секретом: как тебе удалось добиться столь дивных оттенков?

«Ага, попался!» — мысленно усмехнулся Е Сяои. Старый лис решил вывести ценнейший рецепт задаром?

— А ты попробуй сначала угадать, из чего оно сделано, — с хитрой улыбкой уклонился от прямого ответа юноша.

Сяо Цянь пригубил рубиновую влагу, покатал напиток на языке и задумчиво произнес:

— Хм... Красное на редкость сладкое, с тонким ароматом ягод и весенних цветов. Наверняка здесь не обошлось без лепестков. Но основа... Неужто это виноград «коровьи соски»? Настоящее виноградное вино обычно кислое и вяжет рот так, что зубы сводит. Пить его — сомнительное удовольствие. Твое же вино дарит лишь легкую кислинку и удивительную свежесть. Как тебе удалось усмирить дикий виноградный нрав?

«Ого, да он настоящий знаток!» — удивился Е Сяои и согласно кивнул:

— Именно так, почтенный брат. Это мой собственный, приспособленный к вкусам жителей Срединной равнины вариант западного вина.

Е Фантянь поспешил вставить свои пять копеек:

— Из винограда? Да быть не может! Я пробовал то пойло, что везут из западных земель — терпкое, горькое, рот связывает так, будто горсть сухой черемухи съел. А дикари-кочевники от него без ума. Лично я такую бурду пить не могу.

Е Сяои лишь снисходительно улыбнулся. Разумеется, грубое заморское вино не могло прийтись по вкусу изнеженным господам Срединной равнины. Точно так же, как чужеземцы не переносили крепкую местную водку, обжигавшую горло. Без привычной культуры питья и вековых традиций заморский продукт обречен на провал, если не изменить технологию его приготовления.

На западе терпкость вина сравнивают с «юной девой в дорогих мехах», но на восточной земле этот напиток нуждался в деликатной огранке. Убавив кислоту и смягчив терпкость, можно получить идеальный сладкий нектар, способный покорить сердца местных гурманов.

В свое время его семейная корпорация «Е» разработала именно такое, мягкое и бархатистое сладкое вино, чтобы завоевать отечественный рынок. И пусть знатоки упрекали его в отходе от классических канонов виноделия, народ голосовал монетой. В вечном споре между строгим канонем и сиюминутной модой победу всегда одерживает то, что приятно пить.

Е Сяои не стал вдаваться в тонкости современного маркетинга, решив еще немного подразнить потенциального партнера:

— Существует вино грубое, а есть благородное и мягкое. Мой напиток тоже не лишен терпкости, однако она не вяжет рот, а лишь подчеркивает богатство вкуса. Если пить один лишь сладкий сироп, быстро приторно станет. Но стоит добавить едва уловимую кислинку и терпкость, как сладость раскрывается совершенно иначе, оставляя долгое, чарующее послевкусие. Обычная медовая вода такого эффекта никогда не даст.

Сяо Цянь сделал еще один маленький глоток, прищурился от удовольствия и кивнул:

— Твоя правда. Оказывается, эта пресловутая терпкость — вовсе не изъян, а достоинство. Если правильно выдерживать меру, то приучить жителей Срединной равнины к виноградному вину окажется проще простого.

Сяо Цянь с лету уловил коммерческую суть затеи. Е Сяои именно это и планировал — объединить усилия с богатейшим торговцем и завоевать винный рынок империи.

Юноша со вздохом покачал головой:

— Сказать-то легко. Да вот только вся кислота и горечь содержатся в виноградной кожице. И если просто убрать ее при брожении, вино потеряет свой насыщенный цвет и аромат, превратившись в безвкусную жижу.

Сяо Цянь, будучи крупнейшим виноторговцем Янчжоу, прекрасно разбирался в тонкостях ремесла:

— Верно мыслишь. При изготовлении виноградного вина закваску не используют — ее заменяет белый налет на самих ягодах. Без кожицы сусло попросту не забродит.

Выходило, что простым уменьшением доли выжимок проблему не решить.

Секрет этого удивительного напитка безраздельно принадлежал Е Сяои. И даже если Сяо Цянь наймет лучших мастеров, им понадобятся годы, чтобы разгадать эту тайну. Впрочем, для главы клана Ланьлин Сяо деньги не были проблемой. Зачем тратить время, если можно просто купить готовый рецепт?

Отстав чашу с красным, купец потянулся ко второму сосуду. Сделав глоток прозрачного зеленого вина, он удивленно приподнял брови:

— Хм, на вкус — добрая рисовая брага, но почему цвет у нее зеленый, точно жидкий нефрит?

Секрет заключался в особом способе обработки молодых бамбуковых листьев, но раскрывать эту тайну Е Сяои, разумеется, не спешил. Вместо этого он хитро спросил:

— Как думаешь, почтенный брат, сумеют ли наши вина «Алое и изумрудное» завоевать сердца столичных щеголей?

Владения клана Ланьлин Сяо казались безграничными: только в Янчжоу им принадлежало больше двух десятков роскошных ресторанов. А ведь были еще бесчисленные чайные дома, заведения для игры в вейци, музыкальные салоны, танцевальные залы, веселые кварталы и игорные притоны по всей империи! Станет ли этот напиток популярным, зависело исключительно от воли Сяо Цяня.

Сяо Цянь на мгновение задумался, взвешивая все «за» и «против»:

— В Янчжоу и без того винное изобилие. Если говорить о сладких винах, то у нас полно наливок из груш, слив, персиков, есть настойки на хризантемах, корице и диких финиках. Крепких напитков тоже хватает — от дешевой сивухи для простолюдинов до элитных сортов из императорских погребов. С чего ты взял, что твои вина, примечательные лишь забавным цветом, смогут составить им конкуренцию?

Е Сяои обезоруживающе улыбнулся:

— А почему бы и нет? В наш век, когда все встречают по одежке, разве изысканный вид напитка не имеет значения? Утонченные ученые мужи просто лопнут от зависти, если не смогут похвастаться перед друзьями чашей столь дивного нектара.

Сяо Цянь едва сдержал смех от подобной детской самоуверенности, однако предпринимательское чутье подсказывало: в словах мальчишки есть здоровое зерно. Попробовать определенно стоило.

— И во сколько же ты оцениваешь свой секрет? — деловито спросил он.

— Ну что ты, почтенный брат Сяо! — замахал руками Е Сяои, сияя исключительной честностью. — Товар еще и прилавка не видел, как я могу брать за него плату? Вдруг дело не выгорит, и я прослышу обманщиком? Предлагаю поступить иначе: я буду поставлять вино в твои заведения под реализацию. Будет прибыль у меня — будет и у тебя. А коли не пойдет торговля, ты не потеряешь ни единого медного гроша.

На самом деле Е Сяои просто прекрасно понимал: продавать уникальный рецепт за бесценок прямо сейчас — чистейшее безумие.

Много за него в данный момент никто не даст, ведь ценность новинки еще предстояло доказать. Зато когда «Алое и изумрудное» прогремит на всю страну, кувшины с вином польются рекой, а вместе с ними — и горы золота. Пожизненная доля от продаж сулила несметные богатства, расставаться с которыми юноша не собирался.

Сяо Цянь, не подозревая о далеко идущих планах компаньона, лишь порадовался его «скромности». Без единовременной выплаты за рецепт риск прогореть сводился к нулю.

Одобрительно кивнув, он озвучил стандартные условия:

— Что ж, по рукам. Обычно мы берем чужие товары под реализацию на условиях «семь к трем». Семь частей забирает трактир, три — хозяин товара. Устроит ли тебя такой уговор, братец Е?

«Семь к трем?! Да ты издеваешься!» — мысленно взвыл Е Сяои.

Все расходы на сырье, рабочих, доставку, да еще и сам уникальный рецепт лежали на нем, а этот кровопийца хочет захватить семьдесят процентов прибыли просто за место на полке? При таком раскладе Е Сяои после вычета всех затрат останется в лучшем случае одна десятая часть прибыли. Да это же сущий грабеж среди бела дня!

<http://bllate.org/book/18182/1758574>